

О.Ю. Малинова

**ОФИЦИАЛЬНАЯ РИТОРИКА
И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРОШЛОГО: АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКОГО
РЕПЕРТУАРА ПАМЯТНЫХ РЕЧЕЙ
ПРЕЗИДЕНТОВ РФ (2000–2013 гг.)¹**

Статья является частью исследовательского проекта, посвященного изучению практики использования прошлого российской властвующей элитой. На материале памятных речей президентов Российской Федерации анализируется репертуар исторических событий, процессов и фигур, которые служили поводами для выступлений В.В. Путина и Д.А. Медведева в 2000–2013 гг. Выявлено, что наиболее часто «используемым» является советский период отечественной истории, и прежде всего — Великая Отечественная война. Событиям советского прошлого посвящено более половины памятных речей. Этот символический ресурс использовался весьма избирательно: история СССР оказалась «политически пригодной» прежде всего как история великой державы, которая несмотря на все трудности смогла превратиться в ведущего актора мировой политики. В статье утверждается, что активное использование советского прошлого было связано не столько с идеологическими симпатиями властвующей элиты, сколько с тем, что именно оно, будучи основательно закреплено с сложившихся практиках коммеморации, выступало в качестве наиболее очевидного символического ресурса. Значительное внимание уделялось также демонстрации преемственности государственных (и прежде всего — силовых) институтов. Начиная с 2004 г. имело место последовательное сокращение доли постсоветского прошлого в символическом репертуаре главы государства, сопровождавшееся частичным отказом от введенных ранее практик коммеморации событий, связанных с историей новой России — с 31 % в 2000–2004 гг. до 12 % в 2004–2007 гг. и 16 % в 2007–2011 гг. В то же время стали предприниматься шаги, направленные на институционализацию памяти более далекого прошлого, ассоциируемого с идеей «тысячелетнего государства» (например, введение Дня народного единства, связанного с коммеморацией событий XVII века). Однако эти шаги

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-00202 а.

не могут принести быстрых результатов; кроме того, они не отличаются системностью.

Ключевые слова: *символическая политика, политика памяти, властвующая элита, памятные (коммеморативные) речи, политическая риторика, В.Путин, Д.Медведев.*

Современные макрополитические сообщества мыслятся по модели нации, которая предполагает многовековую преемственность поколений. Отчасти в силу этого, а отчасти по причине того, что в эпоху модерна идея истории вообще выступает в качестве фундаментального принципа воображения социального порядка, апелляция к прошлому является неотъемлемым атрибутом политической риторики. Когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и прочем, отсылки к «коллективной памяти» оказываются весомыми аргументами. Предполагается, что они подкрепляют нормативные и причинные утверждения «эмпирическим» опытом предков.

Используя этот ресурс, публичные политики участвуют в дискурсивном конструировании «памяти» о национальном прошлом. При этом они оперируют наличным репертуаром исторических событий и фигур, которые известны широкой аудитории и способны вызывать ожидаемую реакцию. Чтобы быть политически пригодными, символы прошлого должны быть закреплены не только в параграфах школьных учебников, но и в художественной литературе, кинематографе, документальных фильмах, музеях, памятниках, топографии публичного пространства, национальных праздниках и ритуалах, личном опыте индивидов, передаваемом через живое общение и др. Имеет значение и то, в какой мере доминирующие интерпретации исторических событий подвергаются оспариванию и, в частности, как они используются оппонентами.

Будучи ограничены репертуаром «актуализированного» прошлого, политики в то же время располагают существенными ресурсами для его трансформации, причем не только за счет риторической реинтерпретации. Те из них, кто участвует в принятии соответствующих властных решений, имеют эксклюзивные возможности как для номинации событий прошлого для политического использования (в форме установления национальных праздников и практик официальной коммеморации, государственных наград, символической реорганизации пространства и пр.), так и для трансляции определенных версий коллективной памяти (путем

регулирования школьных программ, государственных инвестиций в культуру и др.). Вместе с тем символические действия власти — легкая мишень для критики оппонентов: опыт многих стран свидетельствует, что они часто становятся предметом публичных дебатов (в том числе и потому, что, по определению Д. Арта, «не требуется особой подготовки, чтобы сформировать собственное мнение по этим проблемам»¹). Другими словами, для властвующей элиты «актуализированное» прошлое выступает и как ресурс, применение которого сопряжено с определенными выгодами и рисками, и как объект символических инвестиций.

Второй аспект представляется особенно важным, когда в повестке дня стоит конструирование новой макрополитической идентичности, как это имеет место в случае современной России. Очевидно, что ее «тысячелетняя история»² представляет собой хотя и богатый, но трудный ресурс. События, память о которых настойчиво культивировалась в советский период, впоследствии подверглись переоценке. В то же время многое из того, что служило опорой идентичности до революции, в СССР оказалось «репрессировано» и предано забвению. Что не менее существенно, к концу XX в. утратил былую несомненность метанарратив прогресса, обеспечивавший смысловую рамку для интерпретации событий новой и новейшей истории. Все это, с одной стороны, осложняет задачи публичных политиков, которые не могут не апеллировать к отечественной истории, а с другой стороны возлагает на них особую ответственность за развитие арсенала символов, пригодных для политического использования.

Анализ репертуара событий национального прошлого, «задействованных» в официальной риторике, позволяет выявить особенности подходов властвующей элиты³ к трансформации и использованию этого

¹ Art D. *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 3.

² Именно так наследие коллективного прошлого позиционируется в современном политическом дискурсе. Вместе с тем очевидно, что это условная конструкция: историописание событий, имевших место на современной территории России, существует и для более отдаленных периодов, а выбор «точки отсчета» для генеалогии современного государства — это политическое решение, всегда уязвимое для критики.

³ Хотя официальные речи произносятся высшими должностными лицами государства, их подготовка — это коллективный процесс, детали которого

ресурса. Наше исследование практики обращения к российской истории в контексте легитимации текущего политического курса¹ показало, что актуальный репертуар символов прошлого, «вспоминаемых» в данном контексте, во-первых, слабо конкретизирован, во-вторых, включает преимущественно события советского и постсоветского периода. В общей массе упоминаний о прошлом, которые удалось обнаружить в восемнадцати посланиях президентов РФ Федеральному собранию РФ (1994–2011 гг.), лишь 4 % приходится на долю событий дореволюционной истории, 17 % — ссылки на имена деятелей отечественной культуры, 23 % — оценки постсоветского периода, 26 % — воспоминания о советской эпохе и 30 % — рассуждения общего характера.

С одной стороны, такая структура «актуального» прошлого вполне объяснима: в силу особенностей советской исторической политики память о событиях XX в. была наиболее основательно институционализована. Кроме того, при старом режиме она была наиболее очевидным объектом идеологического манипулирования. Поэтому конструирование новой идентичности не могло обойтись без переоценки недавнего прошлого. С другой стороны, вместе с прежними схемами репрезентации прошлого, отвергнутыми в результате краха советского проекта, оказались поставлены под сомнение связанные с ними позитивные аспекты коллективной идентичности. Без компенсации этой потери трудно рассчитывать на формирование прочных уз солидарности внутри нового макрополитического сообщества. Казалось бы, в той мере, в какой решение этой задачи было связано с выстраиванием проекции от прошлого к настоящему², наиболее очевидным ресурсом символической политики должна была стать вся «тысячелетняя история» России,

скрыты от публики. На наш взгляд, участников этого процесса можно рассматривать как членов властвующей элиты в той мере, в какой они имеют возможность определять *принципиальное* содержание текстов, озвучиваемых «от имени государства» и тем самым формируют государственную символическую политику.

¹ См.: Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et contra. 2011. № 3–4. С. 106–122; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013.

² Формирование позитивного образа Нас возможно не только за счет апелляции к «славному прошлому», но путем демонстрации достижений настоящего или проектирования будущих перспектив.

в которой и требовалось отыскать ценностные опоры для переосмысления «проблематичного» XX в. Однако до недавнего времени¹ при подготовке президентских посланий задача расширения репертуара политически пригодного прошлого, по-видимому, не ставилась. Очевидно, что разработчики текстов посланий сознавали важность этого символического ресурса — можно проследить, как год за годом оттачивались приемы его риторического использования. Но столь же очевидно их стремление ограничиться теми событиями и явлениями отечественной истории, оценка которых не вызывает разногласий — а таких в стране «с непредсказуемым прошлым», переживающей масштабную социальную трансформацию, оказалось немного. Результатом такого подхода — скорее всего, непреднамеренным — стало то, что «проблемные» страницы отечественной истории (преимущественно недавней) представлены в президентских посланиях гораздо более ярко и конкретно, нежели образ «нашего славного прошлого», который должен служить источником оптимизма и опорой для решения текущих задач. Единственный систематически используемый позитивный символ — это Великая Отечественная война.

Впрочем, составителям президентских посланий нельзя отказать в рациональности: ведь обращение к истории лишь один из возможных способов легитимации политического курса, и для решения краткосрочных задач, связанных с оправданием действий власти, необязательно углубляться в проблемы национальной истории. Правда, без этого не обойтись, если иметь в виду долгосрочные цели — формирование национальной идентичности, укрепление гражданской солидарности, повышение коллективной самооценки и т.п. Логично предположить, что эти цели в большей мере учитываются при подготовке других выступлений главы государства, например речей по случаям государственных праздников, юбилеев и памятных дат.

¹ Как будет показано ниже, некоторые изменения в подходе к работе с репертуаром национального прошлого наметились в 2011 г. Включение предложения поставить общенациональный памятник героям Первой мировой войны в первое послание нового президентского срока В.В. Путина можно рассматривать как проявление новой тенденции (*Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2012 г. <<http://www.kremlin.ru/news/17118>>). Вскоре в результате внесения поправок в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» 1 августа было объявлено Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне.

Выступления такого рода принадлежат к особому жанру, который предполагает использование определенных риторических приемов и дискурсивных стратегий. Памятные (commemorative) речи обычно произносятся в дни официальных праздников, а также годовщин и юбилеев важных общественных событий. По определению лидеров школы критического дискурс-анализа Р. Водак и Р. Де Чиллиа, они призваны «вернуть прошлое в настоящее»¹. Разумеется, эта процедура имеет избирательный характер: прошлое «возвращается», чтобы послужить современным политическим целям — конструированию идентичности, определению границ между Нами и Другими, укреплению групповой солидарности и т.п. Памятные речи относятся к классу эпидейктической риторики, основной функцией которой является восхваление или порицание (в данном случае — деяний прошлых поколений). Считается, что эпидейктическая риторика служит средством самопрезентации спикеров: она демонстрирует их ораторские таланты и способность эмоционально воздействовать на слушателей. По мнению Водак и Де Чиллиа, она «также имеет “воспитывающую” функцию, т.е. стремится передать определенные политические ценности и убеждения, дабы создать общие характеристики и идентичности, сформировать консенсус и дух сообщества, который, в свою очередь, должен служить моделью для будущих политических действий адресатов»². В отличие от программных выступлений, которые были предметом нашего внимания на предыдущем этапе исследования, памятные речи не ставят непосредственной целью легитимацию действий власти, их функции скорее представительские: официальное лицо от имени государства воздает хвалу (или порицание) группе/сообществу, соответствующим образом оценивая ее деяния и качества. Это дает более широкие возможности для актуализации прошлого, «полезного» не только с точки зрения текущих задач (памятные речи связаны с графиком встреч и поездок главы государства, они нередко преследуют дипломатические цели), но и для выстраивания долгосрочной «политики идентичности».

¹ *Wodak R., De Cillia R. Commemorating the past: the discursive construction of official narratives about ‘Rebirth of Second Austrian Republic’ // Discourse & Communication. 2007. Vol. 1. No. 3. P. 346.*

² *Ibid. P. 346–347.*

Памятные речи можно исследовать под разными углами зрения¹, в частности, они дают много информации о формировании коллективной идентичности, включении или невключении в категорию Нас отдельных групп, конструировании смысловых схем важных исторических событий, а также об особенностях официального нарратива коллективного прошлого. В данном случае нас интересует эволюция их тематического репертуара, отражающая изменение представлений властвующей элиты о том, какие эпизоды отечественной истории следует «актуализировать» для политического использования. Памятные речи произносятся по определенным поводам. Как правило, это повторяющиеся из года в год государственные праздники, посвященные конкретным историческим событиям, и официальные памятные дни, а также юбилейные даты. Выступление первого лица государства придает событию особый статус. Вместе с тем очевидно, что не все потенциальные поводы могут быть использованы: чтобы оценить диапазон возможностей, достаточно заглянуть в официальный список дней воинской славы и памятных дат России (не говоря уже о неофициальных календарях юбилейных и памятных дат). Включение памятных речей в рабочий график президента — это результат выбора, который определяется не только представлениями о важности события или его «полезности» в качестве повода для артикуляции определенных идей, но и соображениями политической целесообразности, а также пространственно-временными возможностями. Тем не менее в рамках более или менее длительных периодов тематику памятных выступлений можно рассматривать как отражение стратегического подхода властвующей элиты к работе с символическим ресурсом национального прошлого.

Объектами нашего анализа стали выступления президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева, в полном объеме доступные на портале «Президент России»². К сожалению, для изучения выступлений Б.Н. Ельцина сложно применить аналогичную методику: по контрасту с советской практикой они освещались в (печатных) СМИ достаточно скупо и фрагментарно. Таким образом, мы имеем возможность проследить эволю-

¹ См.: Ibid.; *Joensuu K.* The Role of the Soviet past in post-Soviet memory politics through examples of speeches from Estonian presidents // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1007–1032.

² <<http://www.kremlin.ru>>; с 31 декабря 1999 г. по 7 мая 2008 г. — <<http://archive.kremlin.ru>>.

цию тематического репертуара памятных речей президентов на протяжении трех четырехлетних сроков, а также сделать некоторые предварительные наблюдения применительно к первому году работы Путина в качестве вновь избранного главы государства. Материалом для нашего анализа послужили 1) выступления по случаям официально установленных праздничных нерабочих дней, связанных с историческими событиями — Дня защитника Отечества, Дня Победы, Дня России, Дня народного единства, Дня Конституции¹, 2) выступления по случаям памятных дней, памятных дат и дней воинской славы (победных дней) России², 3) выступления по случаям юбилеев исторических событий, 4) выступления на церемониях открытия памятников, музеев, мемориальных досок и т.п. Иные мероприятия, на которых обсуждались вопросы, имеющие отношение к национальному прошлому (различные встречи, выступления в рамках церемоний награждения, по случаям профессиональных праздников, беседы при посещении музеев и выставок, интервью, статьи и др.), в данном контексте не рассматривались, поскольку они не соответствуют жанру памятной речи.

Как и предполагалась, тематический репертуар выступлений такого рода отличается от набора символов прошлого, «задействованного» в президентских посланиях (см. рис. 1): он существенно шире, и события дореволюционной истории занимают в нем более заметное место. Тем не менее наиболее частым поводом для мемориальных обращений главы государства служат события советского периода, более того, на протяжении рассмотренных четырнадцати лет доля данной тематической категории устойчиво возрастала: к ней можно отнести 53 % памятных речей Путина в период его первого срока, 58 % — в период второго, 69 % — в течение первого года третьего срока, а также 55 % аналогичных выступлений Медведева. Треть рассмотренного массива

¹ На протяжении рассматриваемого периода статус этих общественных событий менялся. В частности, День защитника Отечества стал нерабочим с 2002 г. (соответствующая поправка в Трудовой кодексе РФ была внесена в декабре 2001 г.). 24 декабря 2004 г. была принята новая редакция статьи о нерабочих праздничных днях, на основании которой с 2005 г. стал отмечаться День народного единства. Тогда же День Конституции перестал быть «нерабочим и праздничным» и приобрел статус памятного дня.

² Определены Федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ, в который многократно вносились поправки.

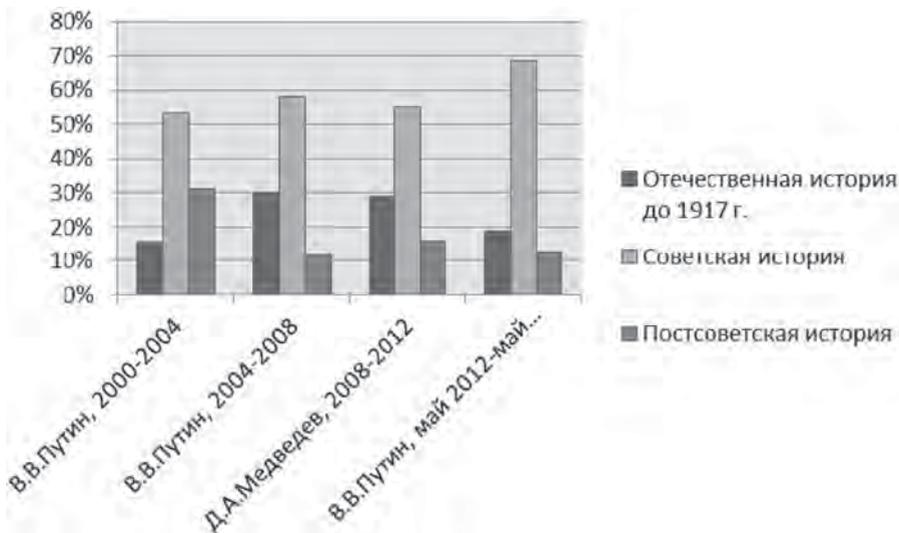

Рис. 1. События дореволюционной, советской и постсоветской истории в памятных речах президентов РФ, 2000–2013 гг.

текстов посвящены Великой Отечественной войне, причем этот показатель остается практически неизменным применительно ко всем рассмотренным периодам¹. Таким образом, *советское прошлое остается наиболее востребованным символическим ресурсом, а Великая Отечественная война — наиболее «используемым» событием*. По-видимому, это отчасти определяется тем, что с советским периодом связан жизненный опыт значительной части граждан, отчасти же объясняется наследием прежней символической политики, надежно закрепившей память о политически актуальном прошлом в институционализованных практиках². Впрочем, «реабилитация» советского прошлого в офици-

¹ В течение первого года третьего президентского срока он возрос до 44 %. Таким образом, в последних выступлениях Путина сдвиг в сторону советского наследия еще более выражен. Однако на основании одного года рано говорить об устойчивой тенденции.

² Примером тому может служить не только институционализация памяти о Великой Отечественной войне (динамика этого процесса хорошо описана в книге: *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 91–104), но и День Советской армии и Военно-морского флота, трансформированный в День защитника Отечества. Этот праздник ежегодно служит поводом для выступления главы государ-

альной символической политике 2000-х годов происходила избирательно: как мы покажем ниже, история СССР оказалась «политически пригодной» прежде всего как история великой державы, которая, несмотря на все трудности, смогла превратиться в ведущего актора мировой политики¹.

Вторая тенденция, особенно очевидная при сравнении выступлений первых двух президентских сроков В.В. Путина — это *последовательное сокращение доли постсоветского прошлого в символическом репертуаре главы государства*, сопровождавшееся частичным отказом от введенных ранее практик коммеморации событий, связанных с историей новой России. В результате реформы праздничного календаря, проведенной в декабре 2004 г., День Конституции утратил статус государственного праздника и стал памятной датой². С этого времени он перестал служить поводом для обращений главы государства (лишь в юбилейном 2008 г. Медведев выступил на научно-практической конференции в честь 15-летия принятия Конституции). Кроме того, в 2006–2008 гг. Путин не произносил речей и по случаю Дня России (эта традиция была восстановлена Медведевым). Доля поводов для памятных речей, связанных с событиями постсоветского периода, сократилась с 31 % от общего числа таких выступлений в течение первого срока Путина до 11 % в течение второго и 13 % — на первом году третьего срока; у Медведева она составила 16 %.

ства о роли армии в жизни Российского государства в прошлом и настоящем. Центральной темой таких выступлений является Великая Отечественная война.

¹ Примечательно, что сходная редукция «актуальной» памяти имела место в массовом сознании. Согласно исследованиям Левада-Центра, «символическое примирение» с советским прошлым в конце 1990-х — начале 2000-х годов сопровождалось «декоммунизацией» советских символов, которые «теперь связаны в общественном сознании не с коммунистической партией, ее руководством, тоталитарной пропагандой и т.п., а с идеализированным образом коллективного существования “всего народа”» (*Дубин Б.* Символы возврата вместо символов перемен // Pro et contra. 2011. № 5 (53). С. 18–19).

² Соответствующее изменение в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» было сделано лишь в июле 2005 г. См.: Справка о нерабочих праздничных днях, профессиональных праздниках и памятных датах (подготовлено экспертами компании «Гарант»). <http://base.garant.ru/4029129/#block_111>.

Казалось бы, столь резкую перемену следует объяснить тем, что в результате повторного избрания, избавившись от статуса «преемника» Ельцина, Путин стал более открыто позиционировать свою политику «стабильности» по контрасту с «клихими девяностыми»¹. Однако дело не только в обязательствах по отношению к предшественнику. Путину потребовалось некоторое время, чтобы определить собственный курс символической политики. По нашей оценке, основные принципы нового подхода, согласно которому в качестве ценностного стержня, скрепляющего национальную идентичность, стало рассматриваться «тысячелетнее государство» вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов, определились примерно в 2003–2005 гг.² Наиболее ярким проявлением этого подхода стали известные слова Путина о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе века», произнесенные в 2005 г.³ Интерпретация распада СССР (который де-факто был актом рождения нового Российского государства) как случайной катастрофы, спровоцированной действиями злонамеренных политиков, хорошо вписывалась в концепцию «тысячелетней» великой державы. Однако она полностью противоречила прежнему официальному нарративу, который представлял крах «тоталитарного» коммунистического режима как историческую необходимость и подчеркивал принципиальную новизну выбора, сделанного в начале 1990-х годов.

На материале памятных речей отчетливо видно стремление Путина и его спичрайтеров уйти от символического противопоставления

¹ Аналогичную тенденцию мы зафиксировали и на примере посланий Федеральному собранию: начиная с 2005 г. критика событий 1990-х годов стала более резкой, причем фокус оценки сместился с проблем, с которыми столкнулось общество, на действия власти (см.: *Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России. С. 112–113).

² Подробнее об эволюции принципов использования прошлого в символической политике государства см.: *Малинова О.Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. СПб., 2012. Т. 8. № 4. С. 179–204.

³ *Путин В.В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. <http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml>.

«новой» и «старой» России, характерного для риторики Б.Н. Ельцина¹. Это особенно заметно при сопоставлении путинских выступлений по случаям «постсоветских» праздников. Темпоральная схема первой путинской речи в День принятия Декларации о государственном суверенитете России — оценка недавнего прошлого с высоты настоящего: этот исторический акт представлялся как *событие, завершившее эпоху, изменившее природу российской государственности и российского политического строя* и определившее *новый вектор страны*. Вместе с тем с позиций сегодняшнего дня (*теперь мы знаем, как тяжело реформировать экономику, социальную сферу, создавать демократические институты*) иллюзии 1990-х оценивались как «романтичные» и «наивные». Накопленный опыт интерпретировался как залог будущих успехов (*мы вместе должны сделать Россию единой, сильной и уважаемой*)². Примерно в том же ключе были выдержаны и речи по «постсоветским» историческим поводам в последующие два года: Путин говорил о принятии документов, оформивших новую российскую государственность, — Декларации о государственном суверенитете и Конституции — как об актах, «открывших дорогу к новой стране» и подчеркивал успехи на пути «освоения основ демократии и рыночной экономики». Он признавал, что реформы *оказались очень тяжелым испытанием для большинства* и заверял, что *перемены, которые мы испытали, должны начинать давать отдачу*³. Речь по случаю Дня России в 2002 г. содержала также заявление о необходимости адекватного признания со стороны мирового сообщества: *Россия не претендует на какой-то особый путь, — утверждал Путин. — Но она претендует на то место в мире и на такое отношение к себе, которое соответствует и нашей богатой истории, и творческому потенциалу нашего*

¹ См.: Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России.

² Путин В.В. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня принятия Декларации о государственном суверенитете России. 12 июня 2000 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2000/06/12/0002_type122346_28767.shtml>.

³ Путин В.В. Выступление на приеме по случаю Дня России. 12 июня 2002 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2002/06/12/0001_type82634type122346_28953.shtml>.

народа, и огромным размерам нашей великой страны¹. Утрата новой Россией, строящей «поистине демократическое общество», прежнего международного авторитета, воспринималась как серьезная проблема.

С конца 2002 г. принцип построения путинских речей по случаям «постсоветских праздников» стал меняться. Выступая на приеме по случаю Дня Конституции, президент говорил: *Вот уже более десяти лет мы произносим ставшие привычными слова «новая Россия». Но если вдуматься, то мы так говорим о стране с тысячелетней историей, о стране, которая знала много примеров как ничем не ограниченной власти государства, так подчас и его неэффективности, слабости. Мы говорим о стране, в которой демократия и свобода личности в полном смысле выстраданы обществом*². При такой постановке вопроса, во-первых, акцентировалась идея преемственности Конституции по отношению к «тысячелетнему» прошлому (важно не то, что она «изменила природу российской государственности», а то, что она «выстрадана» предшествующими поколениями); во-вторых, событие, не вполне однозначно оцениваемое современниками, рассматривалось не с точки зрения его сегодняшней (отнюдь не очевидной) «отдачи», но по контрасту с еще более неблагоприятным прошлым. Изменение темпоральной схемы (взгляд на недавнее прошлое не с точки зрения проблем ныне живущих поколений, а «на фоне веков») открывало широкий диапазон риторических возможностей.

Новый подход был быстро взят на вооружение, и уже в следующем году, выступая на торжествах по случаю Дня России на Красной площади, Путин объяснял смысл этого праздника «из далекой перспективы»: *В этот день мы чествуем нашу Родину — страну с тысячелетней историей и уникальным наследием. Страну, соединившую на огромном пространстве множество народов, территорий, культур*³. Начиная с 2003 г. День России стал интерпретироваться не столько как напоминание о событии, послужившем прологом к рождению современного

¹ Там же.

² Путин В.В. Выступление на приеме по случаю Дня Конституции. 12 декабря 2002 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2002/12/12/1637_type63374type82634type122346_29631.shtml>.

³ Путин В.В. Выступление на торжествах по случаю Дня России. 12 июня 2003 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2003/06/12/1419_type82634type122346_47092.shtml>.

государства, сколько как повод заявить о преемственности «тысячелетней истории» и единстве «многонационального народа».

Однако фактура события, положенного в основу этого праздника, не вполне соответствовала такому способу его использования. Декларацию о суверенитете России можно было рассматривать как шаг на пути демократической трансформации «тоталитарного» Советского государства, распад которого был актом рождения новой России. Но коль скоро стержнем официального нарратива оказывалась не «новизна», а «преемственность», ценность Декларации становилась сомнительной. Не случайно после учреждения Дня народного единства, который изначально интерпретировался как «победа курса на укрепление государства за счет объединения, централизации и соединения сил»¹, Путин перестал выступать с речами в День России: новый праздник более точно отражал идею «тысячелетней государственности», ставшую стержнем его символической политики.

К сожалению, это была весьма абстрактная идея. С одной стороны, запас узнаваемых символов «тысячелетней истории», уже закрепленных в практиках общественной коммеморации, был невелик (советская символическая политика поддерживала память о дореволюционном прошлом весьма избирательно). Чтобы эффективно использовать этот ресурс, необходимо было целенаправленно заниматься «изобретением традиций», не рассчитывая при этом на быстрые результаты. С другой стороны, эту работу сложно проводить в отсутствие устоявшегося нарратива национального прошлого², оценка многих эпизодов которого

¹ Путин В.В. Выступление на торжественном приеме, посвященном Дню народного единства. 4 ноября 2005 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2005/11/04/1615_type82634type122346_96690.shtml>.

² *Национальный нарратив* понимается здесь как смысловая схема исторического повествования, которая описывает и «объясняет» генеалогию общества, полагаемого нацией, устанавливая связи между событиями. Такого рода схемы задают шаблоны для интерпретации конкретных эпизодов прошлого (см.: *Wertsch J.V.* Blank Spots in Collective Memory: A Case Study of Russia // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 617. P. 58–71). Они являются важным механизмом социального конструирования идентичности (см.: *Somers M.R.* The narrative constitution of identity: A relational and network approach // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. No. 5. P. 605–649).

вызывает яростные споры. Предпочитая не вмешиваться в эту борьбу¹, властвующая элита работала с ресурсом прошлого по принципу произвольного выбора подходящих по случаю символов. Вместе с тем очевидно, что с середины 2000-х годов предпринимались определенные усилия по расширению актуального репертуара «тысячелетнего прошлого», хотя эта работа не отличалась особой системностью. Это третья тенденция, которую можно зафиксировать в результате нашего анализа. Если в течение первого срока Путина события отечественной истории до 1917 г. давали всего 16 % поводов для памятных речей, то в 2004–2008 гг. их доля возросла до 30 %; в массиве аналогичных выступлений Медведева она составляет 29 %.

Более детальный анализ тематического репертуара риторики президентов позволяет выявить характерные особенности поводов, выбранных для коммеморации «далекого» прошлого (см. табл. 1). Помимо празднуемого с 2005 г. Дня народного единства² наиболее частым основанием для обращения к событиям дореволюционной истории были юбилейные даты субъектов РФ, торжества в честь которых лоббировались региональными элитами: в 2003 г. праздновалось 300-летие Санкт-Петербурга³, в 2005 г. — 1000-летие Казани и 750-летие «города Кали-

¹ Инициированная недавно Путиным кампания по подготовке единой концепции школьного курса отечественной истории несомненно обусловлена потребностью в такой «общепринятой» смысловой схеме. Однако путь к ее выработке и легитимации лежит не через директивы государства, а через обстоятельные дискуссии специалистов (не только историков), широко освещаемые СМИ. И этот процесс трудно уложить в жесткие сроки (напомним, что срок соответствующего поручения правительству, данного в апреле 2013 г., — 1 декабря того же года).

² В 2005 г. Путин выступал с разъяснениями по поводу нового праздника даже дважды: вечером на торжественном приеме и днем перед учащимися московских вузов и курсантами военных училищ после возложения цветов к памятнику Минину и Пожарскому.

³ Весьма характерны рассуждения Путина относительно «пользы» данного события: «Это лишний повод вспомнить о величии нашего государства, об истоках величия России. Мы должны использовать, так же, как используют и в других странах, это событие общенационального уровня для развития и Петербурга, и всей страны...» (*Путин В.В.* Вступительное слово на заседании Государственной комиссии по подготовке к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга. 13 января 2001 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2000/01/13/1334_type63378_121182.shtml>). Другие региональные юбилейные даты

Таблица 1

Тематический репертуар памятных речей президентов РФ, 2000–2013 гг.

Период, тип события	В.В. Путин, 2000–2004	В.В. Путин, 2004–2008	Д.А. Медведев, 2008–2012	В. В.Путин, 2012 — май 2013 г.	Всего выступлений
Отечественная история до 1917 г., в т.ч.	7	13	11	3	34
юбилейные даты субъектов РФ / история империи	4	4	3	1	12
история отечественной культуры	1	2	0	0	3
история государственных институтов и силовых структур	1	2	0	0	3
история военных побед	1	0	1	1	3
День народного единства	0	4	4	1	9
–иные поводы	0	1	3	0	4
Советская история, в т.ч.	24	25	21	11	81
Великая Отечественная война	14	13	13	7	47
День защитника Отечества	4	4	4	2	14
история государственных органов и силовых структур	2	1	1	2	6
история освоения космоса	0	2	1	0	3
история экономических достижений	2	0	0	0	2
история перестройки	0	0	1	0	1
День памяти воинов-интернационалистов	1	0	0	0	1
День памяти жертв политических репрессий	0	0	1	0	1
иные поводы	1	5	0	0	6
Постсоветская история, в т.ч.	14	5	6	2	27
День России	4	2	4	1	11
День Конституции	5	0	1	0	6
история государственного строительства	2	0	0	0	2
иные поводы	3	3	1	1	8
Всего выступлений	44	37	36	16	142

также «использовались» как повод «вспомнить о величии» и привлечь бюджетные средства для «развития». Существенным бонусом был и сам факт приезда главы государства в регион для участия в торжествах.

нинграда», в 2007 г. — 860 лет «со дня основания Москвы» (не вполне круглая дата) и 450-летие вхождения Башкирии в состав России, в 2009 г. — 1150-летие Великого Новгорода, в 2010 г. — 150-летие Владивостока и 1000-летие Ярославля, в 2012 г. — 1000-летие «единения мордовского народа с народами Российского государства». Как ни странно, поводы, связанные с историей отечественной культуры, государственных и военных институтов и даже военных побед, несмотря на их богатый символический потенциал, использовались лишь эпизодически, нередко в контексте зарубежных поездок¹. Вместе с тем и Путин, и Медведев с заметной регулярностью участвовали в юбилейных мероприятиях силовых структур², государственных корпораций³ и Русской православной церкви⁴. С учетом этого нетрудно предположить, что на

¹ Путин выступал по случаям юбилеев Большого театра и Мариинского театра, а также Московского университета. В 2006 г. он произносил речь на торжественном приеме, посвященном 100-летию российского парламентаризма. Он также выступал на юбилейных мероприятиях Конституционного (2001 г.) и Верховного суда (2003 и 2013 гг.) и на 10-летию арбитражных судов в России (2002 г.). Кроме того, в 2002 г. он участвовал в торжествах по поводу 200-летия образования в России Министерства экономики, а в 2006 г. и в 2012 г. — в празднованиях 100-летия подводного флота и Военно-воздушных сил России. 200-летие Бородинского сражения — единственное торжество по поводу победы русской армии до 1917 г., устроенное в России. Помимо него к данной категории можно отнести зарубежные выступления Путина на торжественной церемонии, посвященной 125-летию освобождения Болгарии, и Медведева на аналогичном мероприятии в честь 210-летия альпийского похода Александра Суворова.

² Официальные речи произносились также по случаям 85-летия и 90-летия Службы внешней разведки, 70-летия Воздушно-десантных войск. Кроме того, и Путин, и Медведев регулярно выступали не только в День защитников Отечества, но и в дни профессиональных праздников — Военно-морского флота, милиции / сотрудников ОВД России и работников государственной безопасности.

³ Президенты РФ регулярно принимают участие в праздновании юбилеев Газпрома. Путин выступал с речами по случаям 80-летия плана ГОЭЛРО и 70-летия ДнепрОГЭС, а также на Первом железнодорожном съезде (в честь 170-летия РЖД).

⁴ Хотя собственно памятных речей, посвященных истории РПЦ, было немного (в 2007 г. Путин выступал на встрече с иерархами Русской православной церкви по случаю 90-летия восстановления патриаршества, в 2008 г. Медведев произносил речь в храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси), мероприятия, связанные с РПЦ, занимают значи-

график памятных выступлений главы государства влияют не только идеологические соображения, но и лоббистские усилия ведомств. Складывается впечатление, что значительная часть календаря юбилейных выступлений президентов, призванных «напомнить» отдаленное прошлое, формируется *ad hoc*, исключение составляет лишь День народного единства, целенаправленно учрежденный для коммеморации идеологически подходящего события «1000-летней истории».

Изменения в подходе к работе с национальным прошлым наметились в 2011 г.: в преддверии выборов члены властного «тандема» стали более активно использовать символический потенциал исторических событий, прежде обделенных их вниманием. Примером тому может служить выступление президента Д.А. Медведева по случаю 150-летия отмены крепостного права на конференции в Санкт-Петербурга, проводившее параллели между великими реформами XIX в. и современной модернизацией. В свою очередь, премьер-министр В.В. Путин накануне старта думской кампании попытался приспособить к «политическому моменту» юбилей П.А. Столыпина, выступив с предложением собрать средства на памятник этому государственному деятелю. Благодаря провозглашению 2012 г. Годом истории и подготовке юбилейных празднований 1150-летия русской государственности, 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года и 400-летия событий Смутного времени был подготовлен целый ряд поводов для памятных речей, посвященных «тысячелетней истории». Однако, задуманные «под Медведева», они не были в полной мере реализованы Путиным. В частности, президент не участвовал в юбилейных торжествах в Великом Новгороде по случаю 1150-летия русской государственности, федеральная власть была представлена его полпредом по Северо-Западному округу.

В целом можно констатировать, что властной элите пока не удается использовать символический ресурс «тысячелетней истории» России в полной мере, что отчасти обусловлено не зависящими от нее обстоятельствами (недостаток «унаследованных» практик коммеморации событий дореволюционной истории, затянувшиеся поиски «общепринятого» нарратива национального прошлого), а отчасти определяется отсутствием систематической стратегии развития репертуара «актуаль-

тельное место в графике российских президентов. Они нередко имеют отношение к отечественной истории, однако их анализ — предмет самостоятельного исследования.

ного» прошлого. В общей массе памятных речей президентов за рассмотренные четырнадцать лет выступления, посвященные событиям дореволюционного периода, составляют лишь 24 %.

Таким образом, основная «нагрузка» по легитимации современной государственной политики авторитетом прошлого ложится на советское наследие. Какие его аспекты оказались наиболее востребованными в годы путинской «стабилизации» и медведевской «модернизации»? Наиболее часто используемым символом отечественного прошлого была и остается Великая Отечественная война: как отмечалось выше, на ее долю приходится 33 % памятных речей. Наше исследование выступлений по случаю Дня Победы показало, что активное использование темы Победы в 2000-х годах в политической риторике сопровождалось расширением ее символического репертуара за счет появления новых смысловых функций. Последние были связаны с артикуляцией ключевых тем «дискурса о нации» — национальной идентичности, автономии и единства, а также с возможностью репрезентировать Россию как «равную» и «подобную» «Западу»¹. Память о Великой Отечественной войне, будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, оказалась одним из немногих моментов коллективного прошлого, безусловно «пригодных» для решения задач символической политики, поскольку ее значение не стало предметом оспаривания, во всяком случае в самой России. Не случайно Н.Е. Копосов высказал предположение, что миф о войне в постсоветской России выполняет функцию «мифа происхождения»², которую в силу резкого расхожде-

¹ См.: Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 158–186.

² «Миф происхождения» (myth of origin) — это фундаментальный миф об историческом моменте, когда «нация» кристаллизовалась в своей «современной» форме (см. Schöpflin G. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // Myths and Nationhood / Ed. by G. Hosking, G. Schöpflin. New York: Routledge, 1997. P. 33–34; Coakley J. Mobilizing the past: Nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2007. Vol. 10. № 4. P. 542–543). По мнению Копосова, миф о войне в каком-то смысле изначально имел такие функции, ибо легитимировал новые советские формы социальной организации, прошедшие «проверку» войной. В современных условиях «миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима» (Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. С. 163–164).

ния оценок не могут выполнять события, связанные с распадом СССР. На наш взгляд, принимая во внимание остроту конфликтов по поводу коллективного прошлого, едва ли можно говорить о «мифе происхождения» применительно к современной России, ибо функции такого мифа вытекают из коллективно разделяемого метанарратива, который определяет смысл(ы) тех или иных событий¹. Вместе с тем очевидно, что символ Великой Победы благодаря его интенсивному политическому использованию, с одной стороны, и укорененности в массовом сознании — с другой, выступает в качестве важной узловой точки современной российской идентичности.

Вторая по частоте использования в памятных речах «советская» тема — это история ныне действующих государственных органов и силовых структур (сюда же можно отнести и ежегодные речи по случаю Дня защитника Отечества). Регулярные обращения к данной теме хорошо вписываются в контекст «укрепления государства», построенного из «узлов» советской сборки. В то же время на удивление мало внимания в мемориальной риторике уделено достижениям советской науки и культуры², освоению космоса³ и истории экономических успехов, несмотря на то что эти темы могли бы оказаться близки представителям старших поколений, трудом которых они были созданы.

Памятные речи президентов РФ редко касались «трудных» страниц отечественной истории. Тем примечательнее немногие исключения из этого правила. Во-первых, к числу таковых следует отнести выступле-

¹ См.: *Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011; *Gill G. Symbolism and Regime Change: Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

² К этой категории можно отнести лишь выступления Путина на встречах с творческой интеллигенцией — посвященной 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева (2006 г.) и с творческим коллективом газеты «Комсомольская правда» по случаю ее 80-летия (2005 г.), а также его речь на торжественной церемонии по случаю празднования 75-летия со дня начала отечественного телевидения (2006 г.).

³ К этой теме первые лица РФ обращались на протяжении рассматриваемого периода трижды: Путин в 2005 г. выступал на торжественном собрании, посвященном 50-летию со дня основания космодрома Байконур, и в 2007 г. на торжественном вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Сергея Павловича Королева, а Д. Медведев — в юбилейном 2012 г. произнес речь в День космонавтики.

ние Путина на собрании, посвященном Дню памяти воинов-интернационалистов (2004 г.). Президент не только использовал этот повод, чтобы косвенно осудить действия США в Ираке (*Афганская война подтвердила, что никто не имеет права вмешиваться в жизнь другой страны и что ни коммунизм, ни демократию, ни рынок нельзя насаждать силовыми решениями*), но и по-человечески отдал дань уважения тем, кто, «следуя присяге», прошел через афганскую войну, а по возвращении столкнулся «с непониманием, равнодушием, и даже осуждением»¹. Вторых, следует упомянуть выступление Медведева в видеоблоге, выложенное в 2009 г. в День памяти жертв политических репрессий, в котором президент с несколько неожиданной стороны подошел к теме фальсификации истории. Он сказал: «Мы... почему-то зачастую считаем, что речь идет только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ». Слова Медведева о том, что «память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах»², а также высказанная им в 2010 г. в интервью «Известиям» «государственная оценка» фигуры Сталина³ — это редкие случаи, когда первое лицо госу-

¹ Путин В.В. Выступление на собрании, посвященном Дню памяти воинов-интернационалистов. 14 февраля 2004 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2004/02/15/1615_type63374type63376type122346_159652.shtml>.

² Медведев Д.А. Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах. Новая видеозапись в блоге Дмитрия Медведева в День памяти жертв политических репрессий. 30 октября 2009 г. <<http://www.kremlin.ru/transcripts/5862>>.

³ В канун празднования 65-летия Победы, отвечая на вопрос корреспондента, Медведев сформулировал «государственную оценку» фигуры Сталина следующим образом: «Сталин совершил массу преступлений против своего народа. И, несмотря на то что он много работал, несмотря на то что под его руководством страна добивалась успехов, то, что было сделано в отношении собственного народа, не может быть прощено». При этом он политкорректно подчеркнул: «Люди, которые любят Сталина или ненавидят Сталина, имеют право на свою точку зрения <...> Другой вопрос, что такого рода личные оценки не должны влиять на государственные оценки» (*Медведев Д.А.* «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали» // *Известия*. 2010. 7 мая.<<http://www.izvestia.ru/pobeda/article3141617/>>).

дарства занимало однозначную позицию, не уходя от оценки «трудных» страниц отечественной истории. Примечательно, что в обоих случаях это было сделано не в речи перед аудиторией, а в записи, через СМИ. Напомним, что в 2007 г., когда отмечалось 70-летие начала массовых расстрелов, В. Путин также совершил символический жест в День памяти жертв политических репрессий, посетив бывший полигон НКВД в Бутово вместе с патриархом Алексием II. Однако президент не произносил по этому случаю памятных речей, он просто «почтил память святых новомучеников и всех “за веру и правду пострадавших”»¹. Это был акт соболезнования страданиям погибших, а не оценка государственной политики прошлого.

Эти немногочисленные исключения лишь подчеркивают правило: советское прошлое, составляющее основу актуального символического багажа власти в рассматриваемый период, использовалось весьма избирательно. Наиболее востребованными его элементами были Великая Отечественная война и история государственных органов и силовых структур, которые остаются частью современной государственной машины. В гораздо меньшей степени был «задействован» символический потенциал достижений советской науки и культуры, многие из которых постсоветской России не удалось удержать. Первые лица государства крайне редко говорили о наиболее трудных страницах истории XX в., вызывающих острые разногласия в обществе.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что для властвующей элиты «нулевых» годов советское прошлое представляло интерес в той мере, в какой его можно было использовать в технике коллажа для иллюстрации образа «тысячелетнего» «сильного государства», играющего роль стержня официальной версии современной российской идентичности. Преобладание этого символического ресурса в мемориальной риторике президентов, на наш взгляд, следует объяснять не «ностальгией» по СССР, а тем, что благодаря живому опыту населения и наследию уже институционализированной памяти его легко актуализировать для решения современных задач.

Очевидное стремление властвующей элиты расширить репертуар политически «пригодных» событий, иллюстрирующих «тысячелетнюю

¹ См.: В день памяти жертв политических репрессий Святейший патриарх Алексий и президент России посетили Бутовский полигон // Официальный сайт Московского патриархата. <<http://www.patriarchia.ru/db/text/314768.html>>

историю» России, пока не воплотилось в систематическую стратегию. Анализ поводов для «юбилейных» выступлений первых лиц заставляет предположить, что на их выбор заметное влияние оказывают соперничающие группы интересов, при этом ведомства, отвечающие за образование, науку и культуру, явно уступают по своим лоббистским возможностям силовым структурам, государственным корпорациям и отдельным регионам. Единственное «системное» символическое решение — учреждение Дня народного единства — пока не дает ожидаемого эффекта: смысл праздника остается непонятным как для обычных граждан, так и для лидеров мнений¹. Фактически на данный момент День народного единства успешно используется лишь организаторами «Русских маршей», что едва ли входило в планы его «авторов».

Вместе с тем в результате смены курса символической политики в начале 2000-х годов оказались частично демонтированы практики коммеморации событий новейшей российской истории, складывавшиеся в предыдущее десятилетие. На наш взгляд, это не слишком далеко видно с точки зрения формирования идентичности макрополитического сообщества, стоящего за современным Российским государством, которое во многих отношениях является *новым*: институционализируемая в виде праздников, традиций и ритуалов память о недавнем прошлом — это символическая инвестиция, с которой нужно продолжать работать в расчете на «отдачу» в более далекой перспективе.

Представленный выше анализ памятных речей показывает, что акторы, определяющие государственную символическую политику, не только используют имеющийся в наличии репертуар «актуализированного» прошлого (преимущественно советского), но и предпринимают определенные шаги для его развития, прежде всего в части конкретизации «тысячелетней истории» России. Однако этим усилиям явно недостает системности, которая тем более необходима, если учесть, что при составлении рабочих графиков президентов приходится принимать в расчет множество факторов.

¹ См.: Ефремова В.Н. День народного единства: Изобретение праздника // Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 286–261.